

Г. Д. Дееву-Хомяковскому

Капри, март, не позднее 17, 1910 г.
Г. Дееву-Хомяковскому.

Вы желаете, чтобы я «искренно высказался о содержании» Ваших стихов. Содержание Ваших стихотворений хорошо; мысли не новы, но — это добрые мысли и сеять их в мире — доброе дело.

А вот форма Ваших стихотворений очень плоха.

Первое четверостишие — это начало известного романа:

Не грусти, что листья
С дерева валяются,
Будущей весною
Вновь они родятся.

У Вас — хуже сказано.

«Все весною снова» — строчка некрасивая, в стихах надобно избегать повторения однозвучных слогов. Вы пишете — «сно сно». И все стихотворение — не Ваше, просто Вы переписали чужое, изменив кое-где слова.

— Я не хочу стонать, как прежде,
И пощадь не прошу.

Это не стихи, а проза.

Вы пишете «вдольна» и «страшит» — это неправильно, — нельзя коверкать слова, произвольно переставляя ударения.

В труде
Светлый луч вижу я

Здесь не выдержан размер, лучше было бы переставить слова: «луч светлый вижу я».

Поверьте — там или нигде
Свободы нет... ее.

Это не понятно. При чем здесь «ее»? Чьей? Я думаю, Вы это «для рифмы» сунули, и вышло невразумительно.

«Оно посылает чудес» — не годится, или скажите «много чудес», или «чудеса». Рифмуете Вы слабо, грубо — «корысти — вместе». «поспеш — утеш», последнее слово искажено, говорится — утешь.

Говоря искренно — Ваши стихи еще не стихи; Вы слишком плохо знаете русский язык. Вам непонятен дух его, у Вас мало слов, Вы не чувствуете их музыки.

Стихи писать Вам рано, лучше возьмите Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Бальмонта и внимательно читайте, изучая строй их стиха, их язык, прекрасные формы, которые они умели придать русскому стиху.

Не обижайтесь за этот отзвук, литература — дело серьезное, это особенно должны чувствовать Вы, демократ.

Надобно работать или не хуже других, или лучше, а хуже — зачем?

После Кольцова, Никитина, Сурикова, при Дрожжине, самоучкам стихотворцам можно писать хорошие стихи — учиться есть у кого.

А писать да печатать плохое — какой толк?

Будьте здоровы.

А. Пешков

Деев-Хомяковский Григорий Дмитриевич (1888—1946) — советский писатель.

«Не грусти, что листья» — четверостишие из песни без заглавия поэта И. З. Сурикова.

Б. А. Верхоустиинскому

Капри, не ранее 6 сентября 1910 г.
г. Верхоустиинскому

Стихи Ваши показались мне неудачными. Не доверяя себе, я дал их прочитать Пятницкому, не говоря, конечно, ни слова о моем впечатлении. Пятницкий тоже нашел их слабыми.

Основной их недостаток — отсутствие оригинальности, — все в них кажется знакомым, читанным, утомившим уже. Рифмы — белны; это особенно бросается в глаза теперь, когда шегольство рифмой доходит до таких чудовищных выходов, как например), «жалые — асфальте».

Есть стремление писать просто, наивно, но это — от головы, а не от сердца, должно быть, и — оставляет читателя холодным.

Это не Вы, сидя в Крестах, написали:

Срублю я из ласковой липы лядью,
— А я, мой любимый, к ней парус сошью...

Вот что — на мой взгляд — хорошо было начато!

Вкус к музыке стиха у Вас — извините! — не очень развит: можно ли повторить в одном стихотворении 60 раз один и тот же звук! Неужели Вы не слышите, что получается сплошное — у-у-у?

Надо искать, надо найти себя самого, — ведь это лицо существует, не так ли? До дня, пока Вы его не найдете — не будет толка из Ваших опытов, поверьте мне. Не поддавайтесь никому и ничему, в том числе и этим моим советам, но — слушайте внимательно всё и — когда Ваше сердце дрогнет радостью — вот, значит, прозвучало что-то родное ему. Это и закрепляйте в словах, и только это даст Вам те простые, сильные, яркие слова — из коих строится настоящая литература.

Вы — молодой, торопиться Вам некуда.

Желаю успеха от всей души.

И бодрости духа желаю.

А. Пешков

Верхоустиинский Борис Алексеевич (1889—1919) — писатель. Пятницкий Константин Петрович (1864—1938) — директор-распорядитель издательства «Знание».

Кресты — тюрьма в Петербурге, где Верхоустиинский отбывал заключение в 1906—1908 гг. за революционную деятельность.

«Срублю я...» — А. М. Горький приводит начальные строки стихотворения «Подруженька», которое было написано Верхоустиинским в тюрьме.

* Публикуемые письма М. Горького не вошли в собрание сочинений.

Ф. Г. Ласковой

Капри, 21 декабря 1912 г.

Очень рад, Фанни Григорьевна, что «Заветы» принимают Вашу повесть и очень советовал бы Вам, когда получите с журнала гонорар, — поезжайте куда-нибудь, людей посмотреть и себя показать.

Судя по настроению Вашему, как оно отражается в письмах, Вам следует отдохнуть, полечиться, перевести себя в другой круг впечатлений.

Вы говорите, что Вас «мучили», делали Вам «гадости» в этом нет ничего исключительного, ничего необыкновенного, но это может быть прекрасным материалом для рассказа, для повести. Посмотрите на жизнь как на материал, который судьба дает Вам для работы над ним, для того чтоб облагородить его, осмыслить.

Люди вовсе не мелки и не так нищи, как об этом говорят литераторы и поэты: поэту хочется видеть жизнь красивой, его требования высоки, вот отчего люди кажутся ему маленькими. Эти требования не историчны, удовлетворить их невозможно ни сегодня, ни завтра, но — требования эти вполне законны, это ими движется жизнь к лучшему, и они, со временем, целиком будут осуществлены. А когда это случится — поэты все-таки будут говорить, что люди мелки, ибо вырастут новые, еще более высокие требования к людям.

Будьте осторожны в своих выводах, не торопитесь судить так же поспешно и несправедливо, как сами Вы были осуждены.

Ведь Вы сами же говорите, что жили только в Москве, видели мало, — могут ли Ваши суждения быть верны, если Ваши наблюдения так однообразны и не обширны?

В России живут 163 миллиона людей, на земле — миллиарды. Украинцев почти так же мало похож на москвича, как Вы — на итальянку.

Присылайте рукописи Ваши, — рад быть полезен Вам всем, чем могу. Затеваюсь новый журнал, я буду стоять довольно близко к редакции его и очень хотел бы, чтоб Вы дали для него небольшой рассказ.

Вас тяготит пошлость? Вот Вам тема: напишите Ваш будущий день, расскажите просто — никого не судя, ничего не оправдывая — как пошлость с утра до поздней ночи серой тенью влачит за человеком и путает его шаги, отравляет его душу. Чем ближе к правде встанете Вы, тем лучше будет рассказ.

Будьте здоровы!

А. Пешков

Ласковая Фанни Григорьевна (род. в 1891 г.) — писательница. Печатила рассказы и повести в журналах «Современный мир», «Летопись» и др.

«...Заветы...» — журнал, издававшийся в Петербурге в 1912—1914 годах. Повесть Ласковой «Муть» в этом журнале не появилась, позднее вошла в сборник Ласковой «Муть», изд. «Книга», 1916.

Затеваюсь новый журнал... — Проект не был осуществлен.

А. Я. Дорогойченко

Сорренто, 6 марта 1933 г.

А. Я. Дорогойченко.

Товарищ Дорогойченко!

Рассказ Ваш неудачен.

Вы хотели рассказать «о женщине, враче деревенском», — тема интересная. В деревнях Союза Советов работают тысячи женщин врачей. Я, читатель, имею право предполагать, что Вы, автор, хорошо знаете их быт и расскажете об одной из них именно то, что характерно, типично для большинства. Но Вы с первых же страниц подчеркнуто показываете читателю «конопатую, курносую, плоскогрудую» девочку, внушая этим читателю подозрение: «пошла в медичку, потому что — некрасива». Эротической шалостью в ларе Вы еще более неприятно рекомендуете героиню Вашу, приписывая ей «индивидуальную черту», едва ли характерную для женщин-врачей. На фронтах Вы не попробовали избобразить, предпочитая рассказывать о ней как о матери и о самке. Не показали Вы ее и на работе приема больных в амбулатории.

В общем, я, читатель, не чувствую отношения автора к его героине, — «симпатична» она ему или нет? Не плохо, и, вероятно, очень правдива поездка к роженице, но — зачем должен утонуть сын? Вы хотели сказать этим, что женщине-врачу в деревне нет времени воспитывать детей? Ребенок у Вас очень плохо написан, слишком нервозен и труслив. Почему у него нет товарищей? В общем весь материал повести обработан неумело, все в ней бессвязно, неубедительно и — неясно: зачем все это написано?

А пишете Вы крайне плохо. Неужели Вас, крестьянина, бойца, соблазняет стиль Андрея Белого? Влияние этого автора очень резко чувствуется. Местами Вы, так же, как и Белый, пишете прозу стихами и так же, как он, уродуете язык. Почему Вы не учитесь писать простым и ясным русским языком? Точной, крепкой фразой?

Сожалено, что не могу сказать Вам ничего приятного.

А. Пешков

в.п.ш.з.

Дорогойченко Алексей Яковлевич (1894—1947) — советский писатель.

Рассказ Ваш неудачен — повесть Дорогойченко «Жизнь Александры Ивановны», рукопись повести, правленная Горьким, хранится в Архиве А. М. Горького.